

«В различіи рѣчѣй, ꙗ́же не вѣдѹщи^м ѣди́но мнѣи^х бы^т»: Рефлексия над словом в Московской Руси в XVII веке

Наталья Запольская

Abstract: «*On the difference between words that can't be equated*»: Reflection on the Word in Seventeenth-Century Muscovy. The article is devoted to the problem of linguistic reflection aimed at maintaining the correctness of the Church Slavonic language by removing homonymy and synonymy. The research is focused on «controversial synonyms», the semantic relationships of which were interpreted by the scribes differently, depending on their linguistic experience. The reflection on «controversial synonyms», analysed in the article, is presented in the form of lexicographical articles in the *Kniga glagolemaja bukvy gramotičnago učeniya*, a linguistic work written in the seventeenth century.

Keywords: Church Slavonic, Linguistic Reflection, Synonymy

Лингвистическая рефлексия в Московской Руси с начала XVII века приняла системный характер и была направлена на поддержание *правильности* церковнославянского языка, что предполагало не только сохранение формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком, но и достижение возможной семантической ясности грамматических форм и слов книжного языка посредством снятия омонимии и синонимии (Запольская 2003; Запольская 2008, 199–224).

Вопрос снятия омонимии в силу очевидной формальной недостаточности и определенности состава грамматических и лексических элементов, обладавших этой дефектностью, не представлял особой сложности для книжников и решался выбором графических и/или грамматических средств для дифференциации омонимов.

Вопрос снятия синонимии, главным образом, лексической синонимии, напротив, был чрезвычайно сложен для книжников в силу сложности самого языкового явления, т.е. в силу неочевидности формальной избыточности и, как следствие, в силу неопределенности состава синонимичных языковых элементов. Неочевидность формальной избыточности была мотивирована разной степенью и разными типами семантической близости слов, что требовало строгих критериев для семантического сравнения. Выбор критериев для сравнения семантики языковых элементов зависел от лингвистического

Natalja Nikolaevna Zapol'skaja, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, zapol'skaya_n@mail.ru, 0000-0003-3114-3461

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Natal'ja Nikolaevna Zapol'skaja, «*On the difference between words that can't be equated*»: Reflection on the Word in Seventeenth-Century Muscovy, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.15, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 173-181, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

опыта отдельного книжника: от соотношения в его языковом сознании общих и индивидуальных представлений о семантических связях слов и от влияния на его лингвистическую рефлексию рефлексии других книжников. Кроме того, в конфессиональной культуре толкование значений слов являлось, в первую очередь, составляющей толкования императивных для культуры текстов, к которым в христианской культуре относились библейские тексты. Сложность толкования библейских текстов заключалась в том, что они прочитывались не только на буквальном, но и на духовном уровне (аллегорическом, тропологическом, анагогическом), что приводило к наложению на исходную семантику слов контекстуально мотивированной идеосемантики, которую также следовало учитывать книжникам при семантическом сравнении слов. Вопрос снятия синонимии решался книжниками посредством семантической дифференциации слов.

Лексикографическая фиксация омонимов, синонимов, а также квазисинонимов, значения которых разводились книжниками, носила периферийный характер, поскольку доминирующая лексикографическая практика была ориентирована на толкование иноязычных слов, употребленных в авторитетных текстах культуры. Рефлексия над омонимами и синонимами обычно получала оформление лишь в виде отдельных лексикографических статей, инкорпорированных в лингвистические сочинения разных типов. Некоторым исключением, демонстрирующим определенную систематизацию результатов такой рефлексии, можно считать составленный в начале XVII века своеобразный лексико-грамматический словарь «Кни́га глѣмаѧ вѣквы гра^ммоти́чнаго оу́чѣнїѧ», содержащий грамматические формы и слова, сопровождавшиеся лингвистическим комментарием.¹ Это организованное по алфавитному принципу собрание языковых элементов включало грамматические формы, являвшиеся омонимами в книжном языке или определявшие формально-семантическую дистанцию между книжным и некнижным языком, и слова, являвшиеся омонимами или «спорными синонимами», семантические отношения которых по-разному воспринимались носителями языка в зависимости от лингвистического опыта. Принципиально гибридный характер лингвистического сочинения объяснялся его практической целью, которая заключалась в установлении и объяснении разных по типу семантических различий языковых единиц, о чем составитель словаря заявлял в предисловии: «Сїѧ вѣквы составлены вїны ра^а сеѧ, дабы і простѣйши^а вѣдомо было, родное Ѡ праваго, і винов^анаго і дѣйствена^а, і творител^анаго, і да познаѣтса мѣже ска рѣчь Ѡ же^аскїѧ... І да разумна вѣдѣтъ двоїственна рѣчи Ѡ мно^аственныѧ. К семѣ^а да познаѣтса нѣкїѧ і сїѧ еже чимъ пакї ра^аньствѣютъ рѣчи сїѧ...еже рещї дѣла і дѣланїѧ, іѧ житїѧ і жїзнь, і нищѣ і оубѣгъ» (57). Информация о семантике грамматических форм и слов подавалась книжником двумя способами: аналитическим способом, посредством указания или

¹ Издание и филологическое исследование этого лингвистического сочинения осуществлено Е. Кузьминовой: далее примеры приводятся по Кузьминова 2002.

объяснения значения, и синтетическим способом, посредством приводимых на полях рукописи отсылок к авторитетным текстам, прежде всего, к библейским текстам, из которых искомое значение должно было вычитываться — «на по́лехъ во́вбражено ѣжъ в' ко́ей книзѣ каа рѣчь ѡбрѣтае҃са» (58). При этом предельная содержательная краткость «библиографических отсылок» свидетельствовала о высоком уровне коллективной, прежде всего, церковной памяти носителей христианской культуры.

Реализованная в этом лексико-грамматическом словаре рефлексия над семантикой грамматических форм детально изучена (Кузьминова 2002, 12–7, 248–61; Кузьминова 2016, 40–50), тогда как рефлексия над семантикой слов обойдена исследовательским вниманием, хотя именно эта рефлексия демонстрирует не только общие, но и индивидуальные представления книжника о семантических отношениях языковых единиц.

Для изучения рефлексии книжника особый интерес представляют его «теоретические проговорки», выступавшие в функции своеобразных рубрик, что позволяет распределить собранный книжником лексический материал по трем формально-семантическим группам:

- слова под рубрикой «д'ва ра^зума», омонимы;
- слова под рубрикой «ѡ единосѣщихъ, мнѣимъ нѣкии' ино' і' ино», слова, которые, по мнению книжника, были семантически тождественны и в силу этого признавались им синонимами;
- слова под рубрикой «ѡ разлічїи рѣчѣй, ѡже невѣдѣщи' єдино мнѣимъ бы'», т.е. слова, которые, по мнению книжника, семантически различались и не рассматривались им как синонимы: снимая синонимию посредством семантической дифференциации, книжник и реализовал установку на достижение *правильности* книжного языка.

Именно слова, которые можно объединить под рубрикой «ѡ разлічїи рѣчѣй, ѡже невѣдѣщи' єдино мнѣимъ бы'», сопровождалась развернутыми комментариями, в которых книжник объяснял констатируемые им семантические различия, и/или отсылкой к авторитетным текстам, в которых сравниваемые слова употреблялись и своим употреблением подтверждали семантические различия. Поскольку рукописная традиция демонстрировала вариативность употребления слов, над которыми размышлял книжник, отсылка к тексту являлась также выбором правильного, с точки зрения книжника, варианта, т.е. была направлена на преодоление лексических разночтений в авторитетных текстах. В зависимости от степени очевидности семантических различий слов, сферы и характера их употребления книжник использовал разные композиционные варианты презентации семантических отношений:

1. Констатация различия значений слов + объяснение значений слов

Бѣда' і' напасть, ино сѣть' і' ино

В интерпретации книжника слова бѣда и напасть передавали разную степень значительности и разный масштаб происшествия:

бѣда — это трагический случай: бѣда нариче^{тсѧ} є* Ѡ части ѡмѣнѡ или стажанѡ из'гвѣленіе, ѡко бы поклепъ ѡгово^о ра^звойничъ не подѣлно, изро^о, та^тва ѡкраденіе, пожаръ, ѡстоленіе,

напастъ — это необратимое предельное трагическое событие: напастъ^ж, всего ѡмѣнѡ ѡбнаженіе ѡ смер^тное ѡсѡжденіе, ѡли заточеніе, бываемоє Ѡ црѧ за ѡпалъ (65);

дѣла ѡ дѣланѡ, ѡно сѣтъ ѡ ѡно

Слова дѣланіе и дѣло рассматривались книжником как обозначения разных фаз деятельности: дѣланіе как начальная фаза, включавшая намерение, ведущее к действию, а дѣло как заключительная фаза, представляющая реализованное намерение:

дѣланіе нариче^{тсѧ} помышленіе на похотѣніе коє . І дон'де^ж є гѡ не сотвори^и дѣло^о, дотѡле ѡно нариче^{тсѧ} дѣланіе. є гда^ж є гѡ сотвори^и дѣло^о, тогда ѡно не нариче^т дѣланіе мѣ, нѡ дѣло^о (72-73).

2. Констатация различия значений слов + отсылка к авторитетным текстам

Слово помышленіе, включенное в комментарий к слову дѣланіе, само требовало, по мнению книжника, объяснения и рассмотрения в ряду однокоренных слов:

ѡно^ж є сѣтъ помышленіе, ѡ ѡно є сѣтъ мысли, ѡ ѡно ѡѡмышленіе (72-73), т. е. «замысел, мысль, умысел».

Помышленіе, ѡ мысли, ѡно єста ѡ ѡно (91).

Констатация различия значений однокоренных слов помышленіе и мысли сопровождалась отсылкой на полях — ко єврѣѡ^о, т. е. к Посланию апостола Павла к евреям, в 4 главе которого, в 12 стихе, употреблялись слова помышленіе и мысли:

живѡ бѡ слѡво бжїе, ѡ двѡствѡно, ѡ ѡстрѣнше пѧче всѧкаго мечѡ ѡбоюдѡ ѡстра, ѡ проходѡ даже до раздѣленѡ дшн же ѡ дхѡ, члѣновъ же ѡ мозговъ, ѡ сѡдѡтельно помышленіемъ ѡ мышлемъ сердѣчнымъ²

Контекст позволял семантически развести слова и определить значение слова помышленіе как «замысел, намерение», поскольку в этом фрагменте Послания речь шла о том, что Бог судит намерения и мысли.

3. Констатация различия значений слов + объяснение значений слов + отсылка к авторитетным текстам

Болѣзнь ѡ немощъ ѡ недѡгъ, ѡно сѣтъ ѡ ѡно

Семантическую дифференциацию слов болѣзнь, недѡгъ, немощъ книжник проводил на двух уровнях.

² Здесь и далее библейские тексты цитируются по Острожской Библии 1581 года, поскольку употребление в этом библейском своде рассматриваемых слов соответствует объяснениям книжника.

Слова **болѣзнь** и **недѣлѣ**, по его мнению, семантически различались, поскольку обозначали, соответственно, «боль» и «заболевание»:

болѣзнь — это боль, локализованная в отдельном органе: **болѣзнь** е̑ е̑ гда̑ е̑дино что̑ ѿ̑ды̑ боли̑, ли̑ глава, ли̑ рѣка, или̑ ино̑ что, проче̑ е̑ тѣла̑ з̑драво̑ с̑ще. и̑ їды̑ и̑ питїе̑ в̑ сласть̑ прїемлюще̑,

недѣлѣ — это отдельное заболевание: **недѣлѣ** же̑ їко̑* и̑ болѣзнь, е̑дино̑ мѣсто̑ в̑ тѣле̑ о̑дер̑жи̑т, їко̑ бы̑ гры̑жа, или̑ болѣ̑чка, гно̑з̑ нїе̑ твор̑щаа, прочи̑ же̑ составо̑ тѣла̑ здраво̑ с̑ще̑.

Однако оба слова семантически объединялись на том основании, что они обозначали поражение отдельной части организма, тогда как слово **немошь** означало поражение всего организма: **немошь** же̑ е̑ гда̑ вса̑ о̑ды̑ и̑ в̑н̑трен̑аа̑ стра̑жде̑т. и̑ їды̑ и̑ питїа̑ не̑ трѣ̑бѣ̑т. И̑ подобно̑ немо̑щи̑ о̑гне̑вой̑ или̑ ст̑в̑ден̑ой̑ стра̑жде̑т (65).

Помимо объяснения значений слов **болѣзнь** и **недѣлѣ** книжник дал на полях рукописи отсылку к Евангелию от Матфея — **ма**^о, **лѣ** (Мф., 34 зачало), а именно, к X главе, в 1 стихе которой говорится о том, что апостолы получили от Иисуса дар исцеления, чтобы, поражая чудесами, они имели внимательных к учению слушателей: **И̑ призва̑въ̑ ѡ̑бан̑дес̑ате̑ о̑чени̑ка̑ сво̑а, даст̑тъ̑ їм̑ъ̑ вла̑сть̑ на̑ д̑в̑с̑ѣ̑х̑ не̑чи̑сты̑х̑, їко̑ да̑ ѡ̑гна̑тъ̑ їх̑ъ̑, ѡ̑с̑ц̑ѣ̑лѣ̑ти̑ вса̑къ̑ недѣлѣ̑ и̑ вса̑къ̑ болѣзнь̑.**

Значение слова **немошь** осталось без подтверждения авторитетным употреблением, поскольку в евангельских текстах вместо него в значении «слабость» употреблялось слово **їз̑а** в паре со словом **недѣлѣ**: в IV и IX главах Евангелия от Матфея, в которых идет речь об исцелении страждущих самим Иисусом — **и̑ ѡ̑с̑ц̑ѣ̑ла̑ вса̑къ̑ недѣлѣ̑, и̑ вса̑къ̑ їз̑ю̑ в̑ люд̑ѣ̑х̑** (IV: 23, IX: 35). В Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского различие значений слов **недѣлѣ** и **їз̑а** связывалось также с длительностью страданий: **недо̑л̑г̑ же̑ е̑ дол̑г̑ го̑ з̑л̑е̑ стра̑дати̑, їз̑а̑ же̑ неиз̑не̑мо̑*нїе̑ во̑ вре̑ма̑ тѣло̑у̑** (РГБ, ф.304.I, № 109, л. 30 об.). Рукописная традиция свидетельствует о том, что слово **їз̑а** могло употребляться и вместо слова **болѣзнь**, так как оба эти слова соотносились с греческим *μαλακία* («слабость»), а слово **недѣлѣ** соотносилось с греческим *νόσος* («болезнь»). Два варианта лексического распределения дают две рукописи XVI в.: Мф. IV, IX главы — **недѣлѣ** и **їз̑а**, X глава — **недѣлѣ** и **болѣзнь** (Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, РГБ, ф.304.I, № 109, л. 30 об., л. 60, л. 60 об.);

Мф. IX, X главы — **недѣлѣ** и **їз̑а** (Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, РГБ, ф.304.I, № 108, л.80 об., лл.81–81 об.).

Нн̑щ̑ и̑ о̑убо̑г̑, їно̑ е̑ста̑ и̑ їно̑.

Книжник разводил значения слов **нн̑щ̑** и **о̑убо̑г̑** на том основании, что они, по его мнению, обозначая «бедного человека», передавали разные причины бедности:

нн̑щ̑ — это бедный, который, родившись богатым, по каким-то причинам лишился богатства, стал неимущим: **нн̑щ̑ нари̑чѣ̑т̑са̑ и̑* к̑т̑о̑ ѿ̑ сла̑в̑н̑ы̑ и̑ бо̑гат̑ѣ̑ родит̑елю̑ ро̑жде̑н̑ б̑ыв̑ѣ̑, послѣ̑дн̑ же̑ ѿ̑ ко̑е̑л̑а̑ в̑їны̑ ѡ̑вн̑їца̑е̑т̑,**

оубогъ — бедный, который родился в бедной семье: оубоѣ же н* кто ѿ такоу родителю по роду (86).

Представленное книжником объяснение значений слов нищъ и оубогъ отличалось от авторитетных толкований, ориентированных на греко-славянские соответствия: πτωχός (не имеющий ничего, просящий подаяния) = нищъ, πενής (снискающий пищу своим трудом) = оубогъ; см. например, толкование Евсевия на 11 псалом: глѣуть* нищаго быти ѿ бога^тства па^аша^а, оубогаго* иже потревнаа на нищѣ трѣдо^а снискающа^а (Толковая Псалтырь 1522 г. — 40-е гг. XVI в.: РНБ, СПбДА. А.I. 171, л.41 об.).

Снятие синонимии в паре нищъ — оубогъ и приведенные значения позволили книжнику применить эти слова к Христу и дать объяснение не только семантики, но и идеосемантики этих слов: На х^ѣ же ѿбое ѡвалѣт^са. а ѣ, ѡко ѿ бга ѿца пре* вѣхъ вѣкѣ^х рождѣ^а а не сотворѣнъ, и насѣ ра^а волею ѡнища. в ѣ же ѡко ѿ оубогаго члѣка существа на^с ради плоть прѡлѣтъ, аще во^и ѿ цр^ска плѣмене сы по пл^т, но оубо члѣч^кое цр^ство противѣ бж^ственнаго цр^ства оубожество вмѣнѣт^са. Такое объяснение является репликой на слова апостола Павла во 2 Послании к Коринфянам — Христос васъ ради ѡнища богать сын, давы нищетою его обогатит^са (2 Кор. 8: 9), и в Послании к Филиппийцам — въ образѣ бж^ии сын, не въсх^ищенѣмъ нещѣва быти равенъ б^с, но себѣ оумалилъ, зракъ рава прѡимъ, въ подобѣи члѣстѣмъ бы^с, и образомъ ѡбрѣт^са, ѡко же члѣкъ. смирилъ себѣ, бывъ послушанѣвъ даже до смр^ти, смр^ти*е кр^ст^нби (Флп. 2: 6–7)

Для подтверждения приведенных значений книжник дал на полях отсылку к 40 псалму (ψλ^о, м), 2 стих которого содержит слова нищъ и оубогъ: Блаженъ разумѣвааи на нища и оубога. Буквальное прочтение этого стиха: блажен, кто понимает скорби нищего и убогого, ибо он будет милостив к ним; а духовное прочтение Афанасия Великого, Феодорита Кирского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста основано на соотношении псалтырного текста и Посланий апостола Павла к Коринфянам и к Филиппийцам.

Выбор книжником именно 40 псалма для подтверждения приведенной им семантики и идеосемантики не случаен, поскольку Псалтырь демонстрирует разное понимание семантических отношений слов нищъ и оубогъ: в одних псалмах эти слова семантически тождественны и употреблены парно лишь для усиления выражения сострадания к бедным, а в других они семантически дифференцированы, что позволяло придать им разную идеосемантическую нагруженность при духовном прочтении (см., например, аллегорическое толкование Исихия к 34:10: нищаго ѿбо нѣчто именована вѣровавша^а ѿ^а юден, ѿбогаго* иже ѿ ѡзыкѣ не блгор^анаго ра^а къ ѡдол^а приближенѣа бывша^а (РНБ, СПбДА, А.I.171, л. 198 об.).³

³ Об употреблении и толковании слов нищъ и оубогъ и вариантах греко-славянских соответствий в славянской Псалтыри см. Вернер 2019.

Мл̑тва і моленіє, њно ѣста и њно.

Слова **молитва**, **моленіє**, **мольба** употреблялись в разных текстах со значением «прошение, обращенное к Богу». Книжник семантически дифференцировал слова **молитва** и **моленіє** по содержанию и характеру обращения к Богу.

молитва — это произносимое обращение к Богу, действие по глаголу **молити**: **Мл̑тва наричѣтсѧ, ѣ* мл̑тиѣ оустнѧми бѣи**,

моленіє — это обещание, данное Богу: **Моленіє же наричѣтсѧ ѡбѣтѣ, ѣ* кто ѡбѣщаѣтсѧ добродѣтѣа кѡю исправит преа бѣгомъ или ѡ чего повоздержатисѧ** (83).

Такое объяснение значений является репликой на толкование Феофилакта Болгарского: на полях дана отсылка к толкованию Евангелия от Матфея, а именно, к толкованию 9 стиха VI главы (**маѡ, ѡі, тоѡковѡй** = Мф., 16 зачало), в котором говорится, что Иисус учит, как должно молиться, и произносит начало молитвы «Отче наш». Феофилакт Болгарский объясняет различия обращений человека к Богу: (**моленіє**) **мольба** — это обещание, данное Богу (**εὐχή** — обет, обетная молитва), а **молитва** (**προσευχή**) — это прошение благ у Бога; слово **отче** в молитве показывает, каких благ удостоивается человек, став «сыном Бога»: **и̑но во еѣ молѡба, и̑ и̑но мл̑тва. молѡба оусто еѣ ѡбѣщаніе нѣкоѣ кѡ бѣѡ, сирѣчь ѡброкъ іако же егѡа кто ѡбѣщаѣтсѧ вина не пити, или дрѡѡѡ нѣкоѣ, или поститисѧ врѣма, или дати нѣчто бѣа раѡ и̑ и̑на таковаа. мл̑тва же еѣ прошеніе бл̑гѡа всѣмъ. ѡѡче же рекъ, авлаѣтѣѣ каковомѡ сподобилсѧ еси бл̑гѡ, снѣ бѣи̑и бивѣ (РГБ, ф.304.І. № 108, л. 60). Рукописная традиция знает и «обратные толкования», когда **мл̑тва** **ѡбѣтѣ**... **мольба** же **прошеніе** (РГБ, ф.304.І.№109, л. 42 об.)**

Цѣлованіе і лобзаніе, њно еѣ і њно.

Основным значением слова **цѣлованіе** было значение «приветствие», при этом в ритуал приветствия мог входить поцелуй, обозначением которого было слово **лобзаніе**. Стремясь снять семантические пересечения, книжник семантически развел слова **цѣлованіе** и **лобзаніе** как обозначения разных форм коммуникативного поведения — вербальной и невербальной:

цѣлованіе наричѣтсѧ ѣ* реци колѡ раѡѡйсѧ,

лобзаніе же еѣ оустнаѡ коѡѡ лобѡзати, или ѡѡемшѡ рѡкама, или не ѡѡемшѡ.

Объяснение значений слов **цѣлованіе** и **лобзаніе** книжник дополнил комментарием сцены предательства Иуды, в которой приветствие **раѡѡйсѧ** и **лобзаніе** из знаков уважения, почтения и любви стали знаками дерзости и измены: **Іѡда же предаѡтель ѡвое хѡѡ бѣоѡ сотвори. Пѣрвое во пришеѡа, і ѡѡдалѣча стоѡ рече хѡѡ, раѡѡйсѧ оустнѧю. потоѡа пристѡпль ко хѡѡ лобза еѡѡ оустнѧми** (105-106).

Помимо пересказа евангельского текста книжник дал отсылку на полях к I Посланию апостола Павла к Коринфянам (**кориѡ рѡѡѡ** = Кор. 16б зачало), в котором слова **цѣлованіе** и **лобзаніе** обозначают приветствие и поцелуй как знаки духовного единения христиан, тем самым **лобзанію** Иуды противопоставляется **свѡтоѡ лобзаніе** последователей Христа, т.е. возникает идео-

семантическая оппозиция: **цѣлѹютьъ вы братїѧ всѧ. цѣлѹите другъ друга лобзанїе^м стѹ^м**. **цѣлованїе моею рѹкою павлею** (1 Кор. 16, 20–1).

Оѹстнѣ, Оѹста

В объяснения значений слов **молитва** и **лобзанїе** входило слово **оѹстнѣ**, которое, по мнению книжника, следовало отличать от слова **оѹста**.

Оѹстнѣ определялись книжником метафорически как **врата в'нѹтрени^м**, т.е. как края рта: **оѹстнѣ наричю^{тсѧ} врата в'нѹтрени^м**.

Оѹста определялись как рот, любой орган речи: **оѹста* нариче^т внѹтреннѧ рта, ѡже сѣтъ зѹбы, ѡ лапка, ѡ небо, ѡ ѡзыкъ, с' горломъ** (102)

Отсылка на полях (**ѹло^м ѡ**) указывала на 8 псалом, в 3 стихе которого говорится о воспевании славы Богу, что объясняет употребление слова **оѹста** в значении «рот»:

Изь оѹстѹ младенець ѡ с'сѹцихъ сѣвер'шилъ еси хвалѹ, врагѹ твоѡхъ ра^ѡ, разрѹшиши врага ѡ мѣстника.

Иной характер рефлексии над словами **оѹстнѣ** и **оѹста** проявился в лингвистическом сочинении, отделенном столетием от анонимного лексико-грамматического словаря, а именно, в рукописной грамматике Федора Поликарпова 1725 года **Технологїѧ то естъ художное совѣщдованїе ѡ грамматїтескомъ художествѣ**, сохранившейся в черновом и беловом вариантах.⁴

В обоих вариантах представлен раздел, посвященный описанию произношения букв **ф** и **ѡ**, но описания эти различаются по формату и характеру использованных средств.

Черновой вариант содержит описание работы органов речи с использованием слов **оѹстнѣ** и **оѹста**, объяснение значения которых дано непосредственно в описании произношения букв через соответствия **оѹстнѣ** – **гѹбы** и **оѹста** – **ѡзык**: **В произношенїи дѣлѧтсѧ тако: ф произноситсѧ гортанїю ѡ ѹстнами, то естъ гѹбами, ѡ ѡ. прижатїемъ ѡзыка к' верхни^м зѹбамъ, то естъ ѹстами ѡ зѹбамѡ** (159).⁵

Полагая, вероятно, что понимание различия книжных слов **оѹстнѣ** и **оѹста**, имевших к тому же формальное сходство, может вызывать сложности, Поликарпов добавил отдельный комментарий, включавший развернутое объяснение значений этих слов, примеры их употребления в библейских текстах и объяснение самих приведенных примеров. Критерием выбора примеров было парное употребление слов **оѹстнѣ** и **оѹста**, что позволяло вычитать из текста семантическое различие слов. Поликарпов привел два примера из учительных библейских книг — из Псалтыри (50:17) и из Притч Соломона (Притч 10: 31–32), в которых употребление слов **оѹстнѣ** и **оѹста** не просто раскрывало

⁴ Издание и филологическое исследование лингвистических сочинений Федора Поликарпова осуществлено Е. Бабаевой, далее примеры приводятся по Бабаева 2000.

⁵ Поликарпов противопоставлял **оѹстнѣ** и **оѹста** и в «Лексиконе трехязычном» 1704 г.: **оѹстнѣ** (χειλή, labis — л.145) и **оѹста** (στόμα, ος, bucca — л. 144 об.) (Бабаева 2000, 80).

значение слов, а демонстрировало определенную смысловую последовательность от слова оустнѣ к слову оуста, поскольку сначала должны «открыться губы», чтобы затем «язык» мог вещать хвалу и мудрость:

Оустнѣ развѣмѣются (Ѡ сегѡ двѣдва моленія ѣже: Гѣди ѡстнѣ мои Ѡверзешн, и ѡста моѡ возвѣстатѣ хвалѡ твою) гѡбы,

ѣста же ѡзыкѣ с прилѣжайшими к силѣ гланѣа, ѣго члены.

Понеже когда Ѡверзѡтся ѣстнѣ, то ѣсть гѡбы, тогда свободно могѡтъ и ѣсты то ѣсть ѡзыкѣ вѣщатѣ

и оу соломона зриѣся ѣста праведнаго каплюѡ премѡдрость, ѣстнѣ же мѡжей мѡдрыѡх вѣдѡтъ блѡтъ, ѡки бы реклѣ: ѡзыкѣ праведнаго мѡдраа глѣтъ, а гѡбы мѡдрыѡх мѡжей вѣдѡютѣ гдѣ молчатѣ, и гдѣ Ѡверзены“ быти (159).

В беловом варианте Поликарпов отказался от употребления книжных слов оустнѣ и оуста, заменив слово оустнѣ словом гѡбы, а слово оуста словом язык: ф ...произно́сится...в гѡбахъ... ф... в произноше́нии же упо́требляется притисне́ниемъ языка к' вѣру́чимъ зѡбамъ (252).

Принятое Поликарповым решение объяснялось сменой культурной парадигмы в Петровскую эпоху, переходом от конфессиональной культуры к секулярной, и как следствие, изменением направленности лингвистической рефлексии, переходом от установки на *правильность* языка к установке на *понятность* языка, которую можно было достичь сокращением дистанции между книжным и некнижным языком, что в дальнейшем привело к формированию нового литературного языка как средства выражения новых культурных смыслов. В новом русском литературном языке отдельные слова книжного языка, сохранив или изменив значение (например, «уста» в значении «губы»), получили легитимацию в функции поэтических вольностей и/или славянизмов.

Литература

- Бабаева, Елизавета Э. 2000. Федор Поликарпов. *Технологія. Искусство грамматики*. Издание и исследование Е. Бабаевой. Санкт-Петербург: Инапресс.
- Вернер, Инна В. 2019. “Филологическое исследование.” В *Интерлинейная славяно-греческая псалтырь 1552 г.: в переводе Максима Грека*. Исследование и подготовка текста к изданию Инны В. Вернер, 9–154. Москва: Индрик.
- Запольская, Наталья Н. 2003. «Обиций» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. Москва: Индрик.
- Запольская, Наталья Н. 2008. “Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI–XVIII вв.): теория и история норм.” *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*, 199–224. Москва: Индрик.
- Кузьминова, Елена А. 2002. *Грамматический сборник 1620-х годов*. Издание и исследование Елены А. Кузьминовой, 57–112. Napoli: Annali dell’Istituto Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell’Europa orientale Sezione Slavistica.
- Кузьминова, Елена А. 2016. “«Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII века.” *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 2: 40–50.